Православная церковь за железным занавесом

Максим Каиль

«Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг.

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-1-19-40

Maksim Kail'

"Orthodox Factor" in Soviet Diplomacy: International Communications of the Moscow Patriarchate in the mid-1940s

Maksim V. Kail' — Smolensk State University (Smolensk, Russia). mvkail@mail.ru

This article analyses materials of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, the official correspondence, and the personal cases of the bishops in order to understand the models and practices of diplomatic work of the Moscow Patriarchate in the post-war USSR. The author discusses how the priority of different "areas of activities" was created, how the foreign visits of Church delegations were organized, and how the government managed the cases of those priests who wished to repatriate from abroad. The author comes to the following conclusion: in post-war period the interests of the state and the Church coincided: the state wanted to use the Church as a factor of international politics, and the Church strived to regain its international status among other Orthodox Churches as well as to bring back Russian émigré communities under its jurisdiction.

Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ

Каиль М. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 19–40.

Kail', Maksim (2017) "'Orthodox Factor' in Soviet Diplomacy: International Communications of the Moscow Patriarchate in the mid-1940s", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 35(1): 19–40.

Keywords: Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, Moscow Patriarchate, international politics, diplomacy, Patriarch Alexii I, Georgii Karpov, Bishop Innocenty (Sokal').

История Русской православной церкви в контексте международной политики военного времени и послевоенной поры сравнительно неплохо разработана. Уже в 1990-е гг. О.Ю. Васильева убедительно показала значение международного фактора в эволюции русского православия[1]. Собственно, само создание в воюющем СССР государственных структур, курирующих деятельность конфессиональных организаций — Совета по делам Русской православной церкви (1943 г., рук. Г.Г. Карпов) и Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР (1944 г., рук. И.В. Полянский) — было не только признанием важности вероисповедной политики, но и свидетельством того, что политическое руководство страны рассматривало возможность использования «церковного фактора» в дипломатической сфере.

На профессиональном уровне речь, разумеется, давно не шла о трактовке создания этих Советов как проявления стремления И. Сталина создать позитивный имидж внутренней политики в отношении конфессиональных групп для международного сообщества. В действительности Православная церковь как исторически сложившийся конфессиональный институт и актор международной политики должна была сыграть значимую роль в новой геополитической ситуации, формировавшейся после решительного перелома в ходе Второй мировой войны в период подготовки послевоенной карты Европы и мира.

Вслед за исследованиями О.Ю. Васильевой в начале 2000-х гг. появилось несколько работ, в том числе и монографического жанра, с разной степенью полноты представляющих историю включения российского православия в международную повестку. Наиболее заметные работы в этой области представил В.Н. Якунин[2].

1. *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001; *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский собор: факты, события, документы. М.: Лепта, 2004; *Васильева О.Ю.* Образование системы православного единства под эгидой Московской Патриархии как основы внешнеполитического государственного плана // Российская государственность: Традиции, преемственность, перспективы. М., 1999.
2. *Якунин В.Н.* Внешние связи Московской Патриархии и расширение её юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2002; *Якунин В.Н.* Международная деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Дипломатический вестник МИД РФ. 2002.

Позднейшая историография развивалась в направлении исследования различных миссий церковной дипломатии в соответствии с традиционными и сформированными эпохой направлениями отечественной внешней политики (Восточная Европа, Ближний Восток, Восточные патриархаты и т. д.)[3].

Вне исследовательского поля остался широкий круг вопросов, разработка которых позволит сформировать наиболее полное представление об использовании «религиозного фактора» в советской дипломатии и внешней политике, а также осветить различные аспекты формирования советской политики памяти вокруг юбилейных дат русского православия. В этой связи весьма важным является исследование конкретных дипломатических акций Русской православной церкви и всего процесса формирования церковной дипломатии, а также выявление корпоративных интересов РПЦ и средств их защиты и реализации в условиях взаимодействия с государственными органами (Совет по делам РПЦ, МИД).

Рассматривая заявленную тему, мы будем исходить из того, что дипломатические акции, совершаемые от имени Русской православной церкви, были действиями не всего церковного сообщества, а церковно-административных структур, которые обобщенно будут именоваться Московской патриархией (МП).

Относительно принципиальной несвободы церковно-административных структур на международной арене следует подчеркнуть, что, хотя эта несвобода очевидна (уже в силу создания двух вышеуказанных Советов), степень ее разнилась. Вопрос о том, была ли у МП возможность обозначить и реализовать свои собственные корпоративные «международные» интересы, может решаться лишь применительно к каждой конкретной ситуации. Есть основания полагать, что МП, будучи вовлечена в дипломатическую деятельность государства, получила возможность хотя и подконтрольной, но при этом реальной собственной деятельности на международной арене, постепенно сформировав свою позицию в отношении ключевых церковных образований, затраги-

№ 10. С.168–172; *Якунин В.Н.* Укрепление положения Русской Православной Церкви и структура её управления в 1941–1945 гг. // Отечественная история. 2003. № 4. С. 83–92.

3. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М.: РОССПЭН, 2008; *Чумаченко Т.А.* В русле внешней политики сталинского руководства: Русская Православная Церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943–1953 гг. // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2014. № 22(351). С. 142–148.

вающих интересы РПЦ в разных регионах мира. Выявление того, как происходило взаимодействие светской (советской) и зарождающейся церковной дипломатии, — одна из актуальных исследовательских задач.

Московская патриархия на международной арене

4 сентября 1943 г. состоялась встреча И. Сталина с православными иерархами, за ней 8 сентября последовал архиерейский собор, на котором был избран патриарх, а 14 сентября был образован Совет по делам РПЦ. После таких важных событий, произошедших за столь короткий промежуток времени, в СССР начался качественно новый этап государственно-церковных отношений. Следствием этих событий стало восстановление внешних связей Московской патриархии, прерванных советским государством в 1930-е гг.

Об изменившейся ситуации свидетельствует тот факт, что в январе 1945 г. после смерти патриарха Сергия был созван уже Поместный собор, на который прибыли свыше 200 иерархов, а также представители восьми православных автокефальных церквей. Государственной властью (!) было принято решение выделить из музейных фондов более 70 драгоценностей (панагии, посохи, облачения) для подарков иностранным иерархам, прежде всего, патриархам[4]. Это сенсационное для советского правительства решение принесло свои плоды: так, в частности, получивший подарки Александрийский патриарх Христофор заявил, что «восточные патриархи будут ожидать распространения на них покровительства России в чисто христианском духе, согласно традициям народа и его издавна благосклонному вниманию к Православному Востоку»[5].

В 1945–1946 гг. Совет по делам РПЦ сформулировал программу борьбы с Ватиканом в зоне советского влияния в послевоенной Европе.

С целью усиления советского влияния в церковной сфере была поставлена задача формирования блока православных церквей в Восточной Европе[6]. Для реализации этой задачи в середине

4. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 32. Л. 111, 170–177, 198–200.
5. Там же. Л. 228.
6. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. С. 93–104.

1946 г. Совет министров СССР своим решением обеспечил целевое валютное финансирование «работы» по покупке лояльности православных церквей в Болгарии, Югославии и Чехословакии[7]. Блок был сформирован к лету 1948 г.

Одновременно шла работа, касающаяся определения церковной позиции по отношению к мировому экуменическому движению. Напомним, что в сентябре 1948 г. на экуменической конференции в Амстердаме был создан Всемирный совет церквей (*World Council of Churches*).

Ключевым событием в этой государственно-церковной деятельности стало Всеправославное совещание в Москве в 1948 г., приуроченное к 500-летию автокефалии Русской православной церкви. Это мероприятие было элементом государственной политики памяти, посредством которого СССР пытался формировать собственную повестку в общеправославном контексте.

В подготовке Совещания, которая началась заблаговременно, в январе-феврале 1948 г. (первая попытка организации форума осенью 1947 г. провалилась[8]), участвовали МП, МИД и Совет по делам РПЦ[9]. Главной задачей было максимально полное представительство поместных православных церквей.

Глава Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов неоднократно обращался в МИД с обстоятельными письмами по поводу готовящегося международного мероприятия. Так, после формирования программы Совещания, Карпов обратился к заместителю министра иностранных дел СССР В.А. Зорину с просьбой о дипломатической поддержке:

> Совет сообщает, что намеченное Московской Патриархией совещание глав автокефальных православных церквей мира, приуроченное к церковным торжествам в связи с 500-летием автокефалии Русской церкви, состоится в Москве 8 июля с.г., о чем патриархом Алексием разосланы пригласительные письма главам и Синодам (где таковые есть) церквей — Константинопольской, Александрийской, Иерусалимской, Антиохийской, Сербской, Румынской, Болгарской, Албанской, Греческой, Кипрской... Кроме того, на совещание приглашаются представители Московской Патриархии заграницей — экзарх в США архиепископ Нью-Йоркский Макарий,

7. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 122, 277; Д. 290. Л. 54; Д. 412. Л. 60.
8. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 412. Л. 43.
9. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 412.

> экзарх Восточно-Азиатского экзархата митрополит Харбинский Нестор, экзарх Западно-Европейского экзархата архиепископ Венский Сергий. Экзарх в Чехословакии архиепископ Пражский Елевферий, архиепископ Германский и Бельгийский Александр, глава Духовной миссии в Китае архиепископ Виктор и сопровождающие их лица в количестве до 2 человек на каждую делегацию[10].

Сам порядок перечисления предполагаемых участников свидетельствует о глубоком понимании руководителем Совета структуры мирового православия и расстановки сил в нем.

Подготовка Совещания требовала особого внимания для обеспечения церковного представительства из приоритетных и проблемных для СССР стран и регионов. Так, Карпов обозначал для МИДа необходимость за неделю до открытия совещания принять главу Болгарской церкви митрополита Стефана и главу Сербской церкви патриарха Гавриила: «Совет просит дать указание представителям МИД в соответствующих странах оказать делегациям возможное содействие в поездке их в Советский Союз»[11].

Совет прямо запрашивал содействия и советской резидентуры на местах для формирования лояльного Советскому государству церковного представительства:

> До отъезда делегаций в Советский Союз необходимо получить данные, какие отклики в церковных кругах, как православных, так и инославных, вызывает приглашение патриарха на церковные торжества и на совещание; выявить состав делегаций, намеченных к поездке в Москву, и сообщить характеристики на членов делегаций. В отдельных случаях, когда это будет вызываться необходимостью, принять возможные меры к включению в состав делегаций лиц, благожелательно настроенных к Московской патриархии[12].

Особое значение для Советского государства, дипломатические цели которого транслировал Совет, имели православные церкви ближневосточного региона, где холодная война уже фактически началась и противоборствующие стороны были четко различимы:

10. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 412. Л. 12.
11. Там же. Л. 12–13.
12. Там же.

> В особенности следует уделить внимание тем странам Ближнего Востока, в которых под давлением американских и английских кругов православные церкви не могут свободно принять те или иные решения в отношении созываемого Московским патриархом совещания. Это относится в первую очередь к церквам Константинопольской, Александрийской и Иерусалимской[13].

Первостепенный интерес для Москвы представляла позиция первенствующего православного престола:

> Известно, что Константинопольский (Вселенский) патриарх по церковной традиции является первым среди всех других патриархов, хотя он не обладает административными правами над другими церквами. Стоящий во главе Константинопольской церкви патриарх Максим V (Максимос) не имеет какой-либо возможности проводить самостоятельную церковную политику и находится в зависимости от американцев, которые готовят замену Максимосу. Таким образом нет оснований рассчитывать на приезд в Москву Вселенского патриарха, но весьма важно присмотреться, как будет воспринято приглашение в Москву патриархом Максимосом и какие меры будут предприниматься со стороны американских кругов в отношении Константинопольской церкви[14].

Боролись и за участие других патриархов. Так, в частности, Антиохийскому обещали подворье в Москве (которое действительно было открыто в 1948 г.) и солидную финансовую помощь.

В историографии существует мнение, что московское Совещание 1948 г. планировалось в Совете по делам РПЦ как вселенский собор с целью обретения Московским патриархом титула вселенского[15]. Как и следовало ожидать, Константинопольский патриарх заблокировал эту идею, противоречащую традиции соотношения исторических патриархатов. Он оказал влияние и на другие восточные патриархаты, главы которых, несмотря на все усилия Москвы, на Совещание так и не прибыли. В то же время приехали главы Грузинской, Сербской, Румынской и Болгарской авто-

13. Там же. Л. 13.

14. Там же.

15. *Лисовой Н.Н.* Русская Церковь и Патриархаты Востока. Три церковно-политические утопии XX века // Религии мира. История и современность. М.: Наука, 2002. С. 151.

кефальных православных церквей. Участвовали также представители Константинопольской, Александрийской, Антиохийской, Элладской, Албанской и Польской православных церквей.

Участников 12-дневного празднования 500-летия автокефалии РПЦ, включающей проведение Всеправославного совещания, доставляли в Москву спецрейсами советской гражданской авиации и размещали в лучших отелях («Националь», «Метрополь», «Москва»). В рамках программы даже была совершена панихида на могиле патриарха Тихона в Донском монастыре, несмотря на болезненность этого мероприятия для советских властей[16].

Участники Совещания заявили о своем неприятии политики Ватикана и об отказе от участия в экуменической деятельности только что созданного Всемирного совета церквей. Наиболее амбициозной цели — создания общеправославного церковного центра в Москве — форум не достиг. В то же время для Советского государства, формирующего свой Восточный политический блок, московское Всеправославное совещание 1948 г. было важным дипломатическим достижением. В частности, Совещание позволило добиться значительного прогресса в укреплении связей с Болгарской и Сербской православными церквами (несмотря на прямой запрет Югославского правительства сербскому патриарху участвовать в московском форуме)[17].

Подводя в январе 1952 г. промежуточные итоги взаимодействия Совета по делам РПЦ с руководством церкви (прежде всего, с самим патриархом Алексием I), Карпов говорил об оптимальном характере этого взаимодействия. Не считая главу РПЦ консерватором, советский чиновник отмечал, насколько легко, «без какого-либо воздействия тот пошел на отмену веками существовавшего обычая хождения на Иордань[18], а вообще провел много других реформ по ограничению деятельности церкви»[19]. При этом Карпов коснулся и дипломатической активности патриарха, характеризуя его как «архиерея старой формации», для которого внешнеполитическая деятельность не была знакомой: «Он (патриарх. — *М.К.*) понимает, что в настоящих условиях такая рабо-

16. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 412. Л. 95–101.

17. Там же. Л. 95–96.

18. Речь о практике водосвятия на крещение (19 января н.ст.)

19. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 454. Л. 197.

та необходима, и поэтому все рекомендации Совета по вопросам внешней деятельности церкви принимает и проводит в жизнь»[20].

Поездки представителей РПЦ за границу

В конце 1947 г., в пору подготовки годового отчета своего ведомства, глава Совета по делам РПЦ принял решение о необходимости учета выездов и въездов за границу по линии Совета. Поручив эту работу члену Совета Г.Т. Уткину, он вскоре получил список лиц и делегаций, выезжавших за рубеж в 1945–1948 гг.[21] Эти сведения имеют важное значение как для анализа деятельности самого Совета, так и для понимания административных решений МП о направлении за рубеж того или иного своего представителя, а также в целом коммуникации МП по такого рода вопросам с Советом (включая степень принятия и исполнения транслируемых Советом поручений).

Зарубежные поездки церковных представителей начались в 1945 г. Первые из них — это ответные визиты на посещение СССР иностранными церковными делегациями в военное время, то есть заграничные поездки, которые должны были продемонстрировать благополучие и открытость РПЦ. Сценарий таких визитов был довольно прост. Сначала — правительственное разрешение на выезд церковной делегации (подавляющее большинство визитов были коллективными); затем Совет собирал анкеты, оформлял документы на выезд и вручал их делегатам (заграничные паспорта или дипломатический паспорт — таковой полагался вначале только патриарху, а позднее и главе церковной дипломатии — руководителю Отдела внешних церковных сношений — ОВЦС[22]). Некоторые из выезжавших за границу (лица в епископском сане или главы делегаций) получали служебный загранпаспорт МИД СССР[23]. Вся организационная работа, включая получение виз и паспортов, была в ведении Совета, который взаимодействовал с ОВИРом[24] и МИДом. Анкеты, фотографии

20. *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. С.115.

21. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 284. Л. 1–2.

22. Первым главой ОВЦС, с 4 апреля 1946 г., стал митрополит Николай (Ярушевич).

23. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 284. Л. 102.

24. Отдел виз и регистраций — подразделение МВД, занимавшееся выдачей виз советским гражданам для выезда за рубеж. Все выезды церковных делегаций оформлялись в Москве.

и даже деньги для оформления виз Совет по делам РПЦ направлял в МИД (как правило, начальнику Консульского управления) с просьбой об обеспечении поездки. По возвращении из-за границы паспорта подлежали сдаче в Совет. Места в самолете бронировались по письменному запросу Совета буквально за несколько дней до предполагаемой поездки[25].

Важную роль в церковной дипломатии середины 1940-х гг. (до образования ОВЦС) сыграл митрополит Григорий (Чуков), ставший архиереем в 72 года[26]. По поручению патриарха он выполнял ряд важнейших дипломатических миссий, связанных с восстановлением и расширением влияния РПЦ в мире.

В апреле 1945 г. митрополит Григорий посетил Болгарию с целью возобновления церковного общения после ликвидации болгарской схизмы[27]. В октябре того же года он посетил Финляндию для переговоров с архиепископом Карельским Германом (Аавом), находившимся в юрисдикции Константинопольского патриархата, пытаясь вернуть финские православные приходы в юрисдикцию Московской патриархии (эта миссия не увенчалась успехом)[28].

25. Там же. Л. 119.

26. С 1942 г. — епископ Саратовский, с 1943 г. — архиепископ Саратовский и Сталинградский; с 1944 г. — архиепископ Псковский и Порховский, временно управляющий Ленинградской и Новгородской епархиями; с 1945 г. — митрополит Ленинградский и Новгородский; в разные годы также временно управлял Астраханской, Псковской, Олонецкой и Эстонской епархиями, русскими общинами и монастырями в Финляндии.

27. Греко-болгарская схизма (болгарский раскол) возникла после одностороннего провозглашения в мае 1872 г. автокефалии своей церкви иерархами-болгарами, ранее находившимися в юрисдикции Константинопольского патриархата. Русская православная церковь своим ходатайством перед Константинопольским патриархом Вениамином подготовила почву для переговоров между греками и болгарами о снятии схизмы. В январе 1945 г. избранный болгарский экзарх митрополит Стефан обратился к Константинопольскому патриарху с просьбой о снятии отлучения, а в марте того же года был подписан томос об автокефалии Болгарской церкви.

28. Как показал опыт 1948 г., конкурировать с Константинополем, значительная часть приходов которого находилась в США, Москве было очень трудно в силу как ресурсных ограничений, так и отсутствия масштабного дипломатического сопровождения этой работы. Именно в это время вмешательство США в церковную сферу стало едва ли не демонстративным. После пролоббированного в октябре 1948 г. ухода на покой Константинопольского патриарха Максима V (1946–1948; см.: Новый Святейший Вселенский патриарх Максим // Журнал Московской Патриархии. 1946. №3) на престоле его сменил Архиепископ Северной и Южной Америки Афинагор (Спиру), прибывший в Стамбул на личном самолете президента США Г. Трумана, что свидетельствовало о непосредственном участии США в деятельности Константинопольского патриархата. См.: *Шкаров-*

В августе 1946 г. митрополит Григорий возглавил делегацию РПЦ, направленную в Париж в связи с кончиной митрополита Евлогия (Георгиевского), годом ранее присоединившегося к Московскому патриархату (миссию по воссоединению митрополита Евлогия осуществлял в августе-сентябре 1945 г. митрополит Николай (Ярушевич))[29].

В конце 1946 г. митрополит Григорий возглавлял делегацию РПЦ, совершившую поездку на Ближний Восток, и встречался с Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским патриархами, а также с коптским патриархом Иосифом II. В 1947 г. он сопровождал патриарха Алексия I во время его визита в Румынию, а также долгое время (с 18 июля до конца ноября 1947 г.) находился в США как полномочный представитель патриарха для обсуждения с митрополитом Феофилом (Пашковским) «условий воссоединения возглавляемой им ориентации» (Северо-Американской митрополии) с РПЦ, но не сумел добиться личной встречи с ним и отверг предложенный ему митрополией проект автономии Русской православной церкви в Северной Америке и Канаде[30].

В 1950 г. митрополит Григорий вновь посетил Сирию, где встречался с Антиохийским патриархом, а в 1953 г. участвовал в интронизации патриарха Болгарской православной церкви Кирилла. В октябре 1955 г. 85-летний архиерей вновь был командирован во главе церковной делегации в Румынию (поддержание отношений с Румынской церковью оставалось его основной задачей). Сразу по возвращении из этой поездки он скончался[31].

Вклад в становление послевоенной церковной дипломатии митрополита Григория — человека, по свидетельствам, прямого и не склонного действовать под диктовку советских чиновников — трудно переоценить. Его поездки 1945 г. имели особое значение,

ский М.В. Константинопольский Патриархат и его отношения с Русской и Болгарской Православными Церквами в 1917–1950-е гг. Ч.3 [http://spbda.ru/publications/professor-mihail-shkarovskiy-konstantinopolskiy-patriarhat-i-ego-otnosheniya-s-russkoy-i-bolgarskoy-pravoslavnymi-cerkvami-v-1917-1950-e-gg-3/, доступ от 4.01.2017].

29. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 284. Л. 31.

30. Поездка митрополита Ленинградского и Новгородского Григория в Соединенные Штаты // Журнал Московской Патриархии. 1948. №1. С.13–24.

31. Некролог по митрополиту Григорию // Журнал Московской Патриархии. 1955. № 12. С. 19.

поскольку сформировали протокол, а также своего рода традицию подобных визитов.

Заслуживает внимания статус глав делегаций и их состав (эти данные свидетельствуют об отсутствии у тогдашней Московской патриархии «дипломатических» кадров).

Видимо, неслучайно в сводном перечне поездок церковных делегаций за 1945 г. имя митрополита Григория значится на первом месте. В этот год состоялось 11 выездов делегаций Московской патриархии (самое большое число за послевоенное пятилетие); в поездках приняли участие 33 человека[32]. Митрополит Григорий совершил визиты в Болгарию и Финляндию, митрополит Николай (Ярушевич) — в Англию (это был продолжительный, почти двухмесячный, ответный визит Англиканской церкви, делегация которой посещала СССР в 1943 г.[33]) и Францию. Патриарх Алексий I (Симанский) совершил поездку на Ближний Восток, цель которой в анкете на выезд была обозначена как ответный визит к Антиохийскому и Александрийскому патриархам[34].

Примечателен состав церковной делегации в советскую зону Германии: туда с целью «ознакомления с церковной жизнью русских приходов» был направлен управляющий делами МП протопресвитер Николай Колчицкий (1890–1961) и протоиерей Ф.П. Казанский (1873–1948), настоятель Вознесенского храма на Ваганьковском кладбище; то есть влиятельного церковного управленца сопровождал многоуважаемый, но весьма престарелый и едва ли погруженный в международную повестку московский клирик.

Делегацию в Австрию и Чехословакию возглавлял архиепископ Орловский и Брянский Фотий (Топиро), которого сопровождал секретарь Московской патриархии Л.Н. Парийский. Главная цель миссии — воссоединение с Московской патриархией русских эмигрантских приходов — была достигнута. Состоялись переговоры с представителями чешского православного духовенства (Ч. Крачмаром и др.). В кафедральном соборе святых Кирилла и Мефодия архиепископ Фотий и епископ Сергий (Королев) в сослужении чешского духовенства совершили литургию. Епископ Сергий вместе с подведомственными ему приходами вер-

32. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 284. Л. 6.

33. Там же. Л. 28.

34. Там же. Л. 23.

нулся в юрисдикцию МП и был назначен в Средне-Европейский Экзархат в помощь престарелому митрополиту Евлогию, хотя эту миссию исполнить он уже не успел[35].

Служебные перемещения в РПЦ в 1945–1946 гг.[36] демонстрируют одну закономерность: иерархи, выезжавшие за рубеж с ответственным поручением вернуть в московскую юрисдикцию эмигрантские приходы, получали назначения на освобождающиеся или учреждаемые (вследствие воссоединений и присоединений зарубежных приходов) кафедры. Так было в случае с епископом Ростовским и Таганрогским Елевферием (Воронцовым), побывавшем в 1945 г. в Харбине с целью присоединения русских приходов к МП[37]: в апреле 1946 г. он был назначен экзархом патриарха в Чехословакию с титулом архиепископа Пражского и Чешского. То же было и с епископом Орловским и Брянским Фотием, который после присоединения в 1945 г. чехословацких приходов в 1946 г. был откомандирован в Париж и позднее не раз назначался на европейские (с 1950 г. — патриарший экзарх в Западной Европе) и требующие дипломатических усилий (с 1951 г. — архиепископ Львовский и Тернопольский) кафедры. Не секрет, что все административные назначения находились в ведении Совета по делам РПЦ и согласовывались с партийными (вплоть до ЦК КПСС) и правительственными органами, а также с МГБ–КГБ[38]. Вероятно, однажды избранные и прошедшие испытание лица попадали в своего рода кадровый резерв Совета для назначений «по дипломатической линии».

Важен также и анализ индивидуальных выездов, которые организовывались и учитывались особым образом. Такие выезды начинаются с 1946 г. в связи с назначением архиереев и других священнослужителей на постоянное служение в иностранных государствах. Иногда священнослужителей сопровождали члены их семей, выезду которых не чинили каких-либо препят-

35. Хроника [архиепископ Орловский и Брянский Фотий (Топиро) направлен в Париж в помощь Митрополиту Евлогию по управлению Экзархатом] // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 5.

36. Назначения и перемещения по Московской Патриархии // Журнал Московской Патриархии. 1945. №3. С. 2; Назначения на архиерейские кафедры и перемещения архиереев // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 4 и др.

37. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 284. Л. 42.

38. Об этом свидетельствуют все материалы работы региональных уполномоченных Совета по делам РПЦ. См. также: *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.

ствий. Так, назначенный в мае 1946 г. архиепископом Пражским и Чехословацким Елевферий (Воронцов) выехал вместе с секретарем А.Ф. Шишкиным. В октябре к последнему приехала дочь с мужем — «на постоянное жительство в Чехословакии на время нахождения там архиепископа Елевферия». Отметим, что решения по выезду архиепископа, а также секретаря и семьи его дочери принимались отдельно и, вероятно, после адресных обращений[39].

В последующие годы выезды к местам постоянного служения были единичными. Так, за весь 1947 г. был лишь назначен в Китай в качестве настоятеля патриаршего храма в Кульдже Дмитрий Млодзяновский (в следующем году к нему выехала супруга). В 1948 г. к новым местам служения направлены в качестве настоятеля храма в Бухаресте протоиерей П. Статов (его сопровождала супруга) и клир сформированной Русской духовной миссии в Иерусалиме во главе с архимандритом Леонидом (Лобачевым; впоследствии — архиепископ Харьковский и Богодуховский)[40]. Примечательно, что до назначения в Иерусалим архимандрит Леонид с июня 1948 г. служил в храме возобновленного Антиохийского подворья в Москве и тем самым был включен в проблематику межцерковных отношений, связанных с Ближним Востоком. Вместе с ним в Иерусалим отправился священник Владимир Елховский (1896–1977) — весьма неординарный и энергичный клирик, добивавшийся возвращения Русской духовной миссии в Иерусалиме утраченной ею собственности[41]. По возвращении в Москву в 1950 г. он работал в ОВЦС, а позднее был председателем Хозяйственного управления и заведующим Канцелярией МП (в 1968 г. был смещен с должности в хозяйственном управлении по требованию Совета по делам религий[42]).

В 1946–1948 гг. зарубежных визитов делегаций РПЦ было меньше. В 1946 г. состоялось 5 поездок (Югославия, Болгария, Венгрия, Франция, Ближний Восток), в которых участвовали 15 человек. Формулировка цели визитов в выездных анкетах — не-

39. Там же. Л. 46–49.

40. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 284. Л. 159.

41. Там же. Л. 160.

42. *Маякова И.А.* Елховский Владимир Евгеньевич // Православная Энциклопедия. Т. 18. 2009. С. 424.

определенная («укрепление связей»[43]). В 1947 г. таких визитов было только два: большую делегацию в Румынию («для укрепления связей», 7 человек) возглавлял патриарх Алексий; визит в США с более определенной миссией («воссоединение РПЦ Америки» с МП — формулировка в переписке с МИД и в постановке задачи поездки Советом) совершил митрополит Григорий (Чуков)[44]. 1948 год был более динамичным: состоялось 6 визитов. Из них — два в Румынию (на похороны патриарха Никодима и в связи с избранием нового предстоятеля), ответный визит в Албанию, поездка в Венгрию («для ознакомления с положением православных приходов в Венгрии»), а также визиты во Францию и Болгарию[45]. Необходимо было поддерживать связи в Восточной Европе и участвовать в жизни поместных церквей (в том числе в связи с естественной сменой их руководства). Проблемными оставались отношения с Западноевропейским экзархатом русских церквей в юрисдикции Константинополя, продолжалась борьба за американские приходы.

В целом история послевоенной церковной дипломатии свидетельствует о высоком мобилизационном потенциале Московской патриархии. Не имея профессиональных дипломатов или погруженных в международную повестку церковных деятелей, МП при поддержке Совета по делам РПЦ провела большую работу по расширению сферы своего влияния в послевоенном мире. Сложные церковно-дипломатические задачи были призваны решать отнюдь не молодые функционеры или явные ставленники Совета, а архиереи старшего поколения и авторитетные представители духовенства, которые могли выглядеть достойно и перед амбициозными Восточными патриархами, и в европейских епархиях и приходах.

Образ Родины и репатриация: церковный аспект

Известно, что советский режим специально занимался украшением своих «витрин», прежде всего для иностранцев[46]. В сфере церковной жизни существовали похожие практики, однако не столь

43. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 284. Л. 7, 44–45, 50–65.

44. Там же. Л. 7, 67–75.

45. Там же. Л. 8, 78–82, 99–134.

46. *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1941 годы. М.: НЛО, 2015.

масштабные, как в сфере светской культуры. В этой связи интересны немногочисленные, но яркие случаи восхищения жизнью церкви в СССР, выражаемого эмигрантскими церковными деятелями, а также случаи репатриации представителей епископата и клира.

В 1933 г. в Париже была издана книга митрополита Литовского и Виленского Елевферия (Богоявленского) «Неделя в патриархии»[47], в которой автор описал свой недельный визит в Москву в ноябре 1928 г. (тогда же он был возведен в сан митрополита). Книга была хвалебной и, по мнению некоторых деятелей церковной эмиграции, удивительно наивной[48]. К моменту выхода книги митрополит был управляющим Западно-Европейскими приходами РПЦ, однако в реальности — в Литве и Польше, поскольку бо́льшая часть русских приходов находилась под управлением митрополита Евлогия (Георгиевского), перешедшего в 1930 г. в юрисдикцию Константинопольского патриарха. Согласие митрополита Елевферия на управление остающимися в московской юрисдикции приходами многие в эмиграции расценивали как подчинение церковному центру в России, порабощенному советской властью. Соответственно воспринималась в русском церковном зарубежье и книга митрополита Елевферия.

Подобное случилось и с другой книгой — «Правда о религии в России» (1942), вышедшей под редакцией митрополита Николая (Ярушевича): она вызвала больше критики, чем умиротворения со стороны эмигрантов и мировой общественности[49].

Однако не всегда хвалебные слова о церковной ситуации в СССР инспирировались церковными и светскими властями. Некоторые православные священнослужители, которые жили в довольно благополучных европейских странах, после войны проявили искреннее желание возвратиться на Родину и продолжить служение в России.

Один из них — священник Иоанн Сокаль (1883–1965; впоследствии епископ Иннокентий). До революции он был помощни-

47. *Елевферий (Богоявленский), митр.* Неделя в Патриархии (Впечатления и наблюдения от поездки в Москву). Париж, 1933. См. также в изд.: Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995.

48. *Граббе Г., протопресв.* Правда о Русской Церкви на Родинѣ и за Рубежомъ. Jordanville, N.Y., 1961. С. 47–48.

49. *Сурков С.А.* Митрополит Николай (Ярушевич). М.: ОЛЦИ, 2012.

ком инспектора и инспектором семинарий в Курске и Рыльске, а в 1919 г. (по его сведениям в 1920 г.) был командирован в Русскую духовную миссию в Иерусалим, откуда уже не вернулся. С 1921 г. — в Югославии, где более 10 лет был инспектором семинарии в Македонском городе Битоле; с 1931 г. — в Белграде, где был священником, а затем настоятелем Свято-Троицкой русской церкви. В 1944 г. о. И. Сокаль назначен благочинным всех русских приходов Югославии. В это время, перед приходом советских войск, страну покидали многие представители русского эмигрантского духовенства, а оставались те, кто связывал свое будущее с Советской Россией — в том числе и о. Иоанн. Тогда же он написал первое ходатайство о возвращении на Родину и вхождении в клир Московской патриархии[50]. Настоятель о. Иоанн Сокаль, причт и община Свято-Троицкой церкви в Белграде были приняты в юрисдикцию РПЦ в 1945 г., во время апрельского визита церковной делегации из Москвы (остальные русские приходы оставались в юрисдикции Сербской церкви).

В апреле 1948 г. о. Иоанн написал Московскому патриарху письмо, в котором подробно описал русскую церковную жизнь Белграда, а также общую ситуацию в стране. Он отмечал, что «обстоятельства значительно изменились к лучшему», и первым в череде позитивных фактов назвал образование правительством вероисповедной комиссии — «нечто в роде будущего министерства веры во главе с генералом Джюричем, адъютантом маршала Тито. Этой комиссии удалось восстановить непосредственный контакт с патриархом Гавриилом, минуя всех сомнительных посредников. В этом интимном общении правительство точно знает о настроении самого патриарха и его окружения, а почему может оказывать патриарху в нужные моменты необходимое содействие и поддержку. Со стороны реакции к патриарху приставлен м. Иосиф, который следит за каждым его шагом и лишает возможности вести разговоры без его присутствия»[51]. Осведомленный автор излагал правительственный план по изолированию митрополита Иосифа от патриарха, сообщал об организации лояльного правительству «священнического удружья» (союза), а также о суде над Сараевским епископом Варнавой, обвиняемом в антиправительственной агитации.

50. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 18. Л. 23.

51. ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 149. Л. 9.

Это конфиденциальное письмо также проливает свет на перипетии с визитом Сербского патриарха Гавриила в Москву на Всеправославное совещание 1948 г.:

> Что касается поездки в Москву, то патриарх хочет, но не знает еще до собора, пустят ли его или пошлют делегатов без него, так как боятся, что он, как черногорец, может изменить интересам сербского шовинизма и стать на сторону правительства и Москвы, а они свой челнок уже отвязали от русского дредноута и пытаются пристегнуть к английскому пакету с американскими долларами и атомной бомбой[52].

Свое эмоциональное повествование о. Иоанн завершает просьбой:

> В нашей русской среде все благополучно. Я лично надеюсь, что в этом году может быть произойдет разделение академии и семинарии. Ваше Святейшество возьмет меня к себе. Уже 3 года жду и очень буду рад и счастлив нести послушание на родной земле под покровительством Вашего Святейшества[53].

В июле 1948 г. о. Иоанн участвовал во Всеправославном совещании в Москве и передал прошение на имя патриарха Алексия о переводе в один из русских монастырей архимандрита Антония (Бартошевича; 1910–1993; впоследствии — архиепископ Женевский и Западно-Европейский РПЦЗ[54]). Тогда Антоний, не дождавшись ответа из Москвы, покинул Белград и отправился в Швейцарию к своему брату Леонтию — с 1950 г. епископу РПЦЗ (чью кафедру, после смерти брата, он и занял в 1956 гг.).

Судьба о. Иоанна оказалась иной. Он настойчиво добивался возвращения в СССР, и по его просьбе еще в 1946 г. советское гражданство получили члены его семьи — жена, дочь и сын. Наконец, в 1950 г. и на его просьбу ответили согласием. При этом вопрос о репатриации поднял Совет по делам РПЦ, а не патриархия или патриарх, к которому этот священник неоднократно обращался. По возвращении он получил назначение ректором Саратовской духовной семинарии, в 1953 г. переведен ректором в Жировичскую семинарию, а в 1956 г. — в Одесскую. В 1957 г. о. И. Сокаль

52. Там же. Л. 10–11.
53. Там же. Л.11.
54. Там же. Л. 13–14.

стал настоятелем кафедрального Успенского собора в Смоленске. Овдовев и приняв постриг с именем Иннокентия, он был рукоположен во епископа и назначен управляющим Смоленской епархии (ушел на покой в октябре 1964 г.)[55].

История о. Иоанна (епископа Иннокентия) — пример взаимоотношений советских властей и церковных репатриантов. После своего возвращения на Родину он, по отзывам региональных уполномоченных Совета по делам РПЦ, всегда со вниманием и энтузиазмом относился к их просьбам. Его патриотические настроения вполне совпадали с советской идеологией борьбы против американской угрозы и мирового империализма.

Выводы

Послевоенная церковная жизнь в СССР сильно отличалась от эпохи 1920–1930-х гг. Подчеркивая это, исследователи чаще всего говорят о некоей либерализации, о новых возможностях для развития церковной деятельности. Реже речь заходит об эволюции форм взаимодействия церковной администрации и контролирующих ее государственных органов.

В рассматриваемый период совпали две тенденции. С одной стороны — стремление Московской патриархии к актуализации своего статуса в семье автокефальных православных церквей и к возвращению в свою церковную юрисдикцию русских общин в пореволюционном зарубежье. А с другой стороны — стремление советского государства использовать РПЦ в своих геополитических интересах, опираясь на зарубежную церковную инфраструктуру. В этой ситуации имело место взаимовыгодное сотрудничество церковной и государственной власти, которое требовало не только активности со стороны советских органов, но и напряжения сил со стороны МП, на протяжении десятилетий лишенной практики международных «внешних сношений».

Библиография / References

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. Р6991 — Совет по делам религий при Совете Министров СССР.

55. Там же. Л. 29.

Опубликованные материалы

Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии // Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995.

Периодика

Журнал Московской Патриархии. 1946. № 3.

Журнал Московской Патриархии. 1946. № 5.

Журнал Московской Патриархии. 1948. № 1.

Журнал Московской Патриархии. 1948. № 4

Журнал Московской Патриархии. 1955. № 12.

Литература

Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001.

Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский собор: факты, события, документы. М.: Лепта, 2004.

Васильева О.Ю. Образование системы православного единства под эгидой Московской Патриархии как основы внешнеполитического государственного плана // Российская государственность: Традиции, преемственность, перспективы. М., 1999.

Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008.

Граббе Г., протопресв. Правда о Русской Церкви на Родинѣ и за Рубежомъ. Jordanville, N.Y., 1961.

Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1941 годы. М., 2015.

Лисовой Н.Н. Русская Церковь и Патриархаты Востока. Три церковно-политические утопии XX века // Религии мира. История и современность. М., 2002.

Маякова И.А. Елховский Владимир Евгеньевич // Православная Энциклопедия. Т. 18. *Сурков С.А.* Митрополит Николай (Ярушевич). М., 2012.

Чумаченко Т.А. В русле внешней политики сталинского руководства: Русская Православная Церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943–1953 гг. // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2014. № 22 (351). С. 142–148.

Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.

Якунин В.Н. Внешние связи Московской Патриархии и расширение её юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2002.

Якунин В.Н. Международная деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Дипломатический вестник МИД РФ. 2002. № 10. С.168–172.

Якунин В.Н. Укрепление положения Русской Православной Церкви и структура её управления в 1941–1945 гг. // Отечественная история. 2003. № 4. С.83–92.

Archival Materials

The State Archive of Russian Federation (GA RF).

F. R6991 — The Council for Religious Affairs under the USSR Council of Ministers.

Periodical

The Journal of The Moscow Patriarchate. 1946. № 3.

The Journal of The Moscow Patriarchate. 1946. № 5.

The Journal of The Moscow Patriarchate. 1948. № 1.

The Journal of The Moscow Patriarchate. 1948. № 4

The Journal of The Moscow Patriarchate. 1955. № 12.

Literature

Chumachenko, T.A. (1999) *Gosudarstvo, pravoslavnayia tscerkov', veruyiushchie. 1941–1961 gg.* [*State, Orthodox Church, believers. 1941–1961*]. Moscow.

Chumachenko, T.A. (2014) "V rusle vneshnei politiki stalinskogo rukovodstva: Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i patriarkhaty Blizhnego Vostoka. 1943–1953 gg." ["Within Stalin's foreign policy: Russian Orthodox Church and Patriarchies in the Middle East. 1943–1953"], *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* 22 (351): 142–148.

Devid-Foks, M. (2015) *Vitriny velikogo eksperimenta. Kul'turnaia diplomatiia Sovetskogo Soiuza i ego zapadnye gosti, 1921—1941 gody* [*The showcases of great experiment. Cultural diplomacy of Soviet Union and its western guests, 1921–1941*]. Moscow.

Grabbe, G., protopresv. (1961) *Pravda o Russkoi Tserkvi na Rodine i za Rubezhom*" [*Truth about Russian Church in homeland and abroad*]. Jordanville, N.Y.

Lisovoi, N.N. (2002) "Russkaia Tserkov' i Patriarkhaty Vostoka. Tri tserkovno-politicheskie utopii XX veka" ["Russian Church and East Patriarchies. Three church-political utopias of the XX century"], in *Religii mira. Istoriyia i sovremennost'*. Moskow.

Mayakova, I.A. (2009) "Elkhovskii Vladimir Evgen'evich", *Pravoslavnaia Entsiklopediia* T. 18.

Surkov, S.A. (2012) *Mitropolit Nikolai (Iarushevich*). Moscow.

Vasil'eva, O.Yu. (2001) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg*. [*Russian Orthodox Church in politics of Soviet State in 1943–1948*]. Moscow.

Vasil'eva, O.Yu. (2004) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i Vtoroi Vatikanskii sobor: fakty, sobytiia, dokumenty* [*Russian Orthodox Church and Second Vatican Council: facts. events, documents*]. Moscow.

Vasil'eva, O.Yu. (2009) "Obrazovanie sistemy pravoslavnogo edinstva pod egidoi Moskovskoi Patriarkhii kak osnovy vneshnepoliticheskogo gosudarstvennogo plana" ["Creation of the system of Orthodox unity under Moscow Patriarchate as a base for the foreign policy state plan"], *Rossiiskaia gosudarstvennost': Traditsii, preemstvennost', perspektivy*. Moscow.

Volokitina, T.V., Murashko, G.P., Noskova, A.F. (2008) *Moskva i Vostochnaia Evropa. Vlast' i tserkov' v period obshchestvennykh transformatsii 40–50-h godov HKHXX veka: Ocherki istorii* [*Moscow and East Europe. Power and Church during social transformations in 1940–50 years*]. Moscow.

Yakunin, V.N. (2002) "Mezhdunarodnaia deyatel'nost' Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg." [International Activity of Russian Orthodox Church during Great Patriotic War 1941–1945], *Diplomaticheskii vestnik MID RF*. 10: 168–172.

Yakunin, V.N. (2002) *Vneshnie svyazi Moskovskoi Patriarkhii i rasshirenie eio iurisdiktsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg*. [*External relations of Moscow Patriarchy and extension of its jurisdiction during Great Patriotic War 1941–1945*] Samara.

Yakunin, V.N. (2003) "Ukreplenie polozheniia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i struktura eio upravleniia v 1941–1945 gg." ["Strengthening positions of Russian Orthodox Church and structure of its administration in 1941–1945"], *Otechestvennaia istoriia*. 4: 83–92.